

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИНДИВИДА: РОЛЬ СЕМЬИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ccrq-es82

В. Б. ИСАЕВА, С. С. ЯРОШЕНКО, К. С. ДИВИСЕНКО

«МОЯ ВСЯ ЖИЗНЬ ВОКРУГ БУДДИЗМА ВЕРТИТСЯ. БУДДИЗМ, РАБОТА, ДЕТИ, СЕМЬЯ...»: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОГО БУДДИСТА*

В статье на примере биографического интервью с членом петербургской буддийской общины, рассматриваемого на данном этапе исследования как идеально типический кейс, прослеживается жизненная траектория и определяется роль религиозной конверсии в формировании биографического проекта современного буддиста. В качестве методического инструментария биографического исследования применяется концепция нарративного интервью Ф. Шютце, совмещающая рассмотрение взаимовлияния субъектных и структурных процессов в жизнеописании с субъективными интерпретациями информанта. Поднимается вопрос о возможностях и ограничениях биографического метода в исследовании религиозного изменения. На основании проведённого анализа можно утверждать, что для нашего героя, как типичного представителя поколения, родившегося в 1960-е гг., религиозная конверсия становится способом адаптации к новой постсоветской социально-экономической и идеологической реальности. Символические, психологические и социальные ресурсы религиозной общины используются для преодоления социального исключения и депривации, достижения духовного благополучия и осмысляются как средства расширения возможностей.

Ключевые слова: буддийская община, биографическое исследование, нарративный анализ Ф. Шютце, структуры возможностей, депривация, инструментальность, религиозная конверсия, духовное благополучие, когнитивная рационализация, религиозное участие.

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00561.

ISAeva VALENTINA B., YAROSHENKO SVETLANA S., DIVISENKO KONSTANTIN S.

**“ALL MY LIFE REVOLVES AROUND BUDDHISM.
BUDDHISM, WORK, CHILDREN, FAMILY...”:
A BIOGRAPHICAL PROJECT OF A MODERN BUDDHIST**

The article represents the analysis of a biographical interview with a member of St. Petersburg Buddhist community, which is considered as an ideally typical case. The study focuses on the life trajectory of the modern Buddhist and the role of religious conversion in his biographical project. As a methodological toolkit of the biographical research, the conception of F. Schütze’s narrative interview is used. This approach, on the one hand, pays enough attention to the structural limitations set by the social context; on the other hand, it allows to identify intentional processes in the biography and to correlate these restraints and subjective goal-setting with the interpretations of the informant. Based on the analysis of the interview, it can be argued that, for our hero, as a typical representative of a generation born in the 1960s, religious conversion becomes the way of adaptation to the new post-Soviet socio-economic and ideological reality. The symbolic, psychological and social resources of the religious community are used to overcome social exclusion and deprivation, to reach spiritual well-being and are conceptualized as the means of increasing opportunities.

Keywords: Buddhist community, biographical research, F. Schütze’s narrative analysis, opportunity structures, deprivation, instrumentality, religious conversion, spiritual well-being, cognitive rationalization, religious participation.

В современной социологии религии исследователи всё чаще обращаются к биографическому методу как инструменту изучения распространения религиозности и причин религиозной конверсии (McMahan 2012; Jindra 2014; Zavos, Israel 2018; Дивисенко К. С., Дивисенко О. В. 2016; Исаева 2014; Тупахина 2012 и др.). Такое методологическое решение позволяет, с одной стороны, учесть общую тенденцию индивидуализации, характерную для современной культуры и модернизационных процессов, когда биография становится главной формой осмысления идентичности и субъективного вовлечения в социально-исторический контекст; с другой — нацелено на выявление поворотных моментов в биографии и их объяснение в свете культурных и структурных влияний. Применительно к рассмотрению процесса религиозного изменения биографический метод обладает ещё одним преимуществом: он позволяет отчасти снять проблему типизации религиозных нарративов последователями

религий. В 1980-е гг. социальные исследователи обратили внимание на конструктивный характер историй о религиозной конверсии, подразумевающий использование неопитами специальных коммуникативных приёмов и стратегий для репрезентации опыта религиозного обращения, что привело учёных к мысли о невозможности вскрыть реальную событийную канву повествований (Snow, Machaleck 1983; Ulmer 1988 и др.). Однако недавние исследования в этой области доказали функциональность используемых структур презентации в пространстве всей биографии и возможность применения различных методик проведения и анализа биографических интервью с целью её выявления (см.: Исаева 2018).

Итак, мы исходим из тезиса о конструктивном характере биографического рассказа и квалифицируем его как проект. В данном случае проектирование охватывает рефлексию биографантом всего жизненного пути, а используемая методика анализа данных, концепция нарративного интервью Ф. Шютце, позволяет выйти на уровень действия и соотнести его с субъективными интерпретациями информанта. Подход Шютце предполагает анализ биографического повествования через выявление процессуальных структур — различных форм фактических биографических событий, к которым он относит интенциональные процессы, институциональные образцы и «кривые течения». Идентификация процессуальных структур обеспечивает переход к событийности личной истории и открывает перспективу жизни информанта в динамике субъективных усилий и структурных влияний (Рождественская 2012: 113–114). Дальнейший анализ знания или «теории информанта» даёт возможность сопоставить его целеполагание, субъективную рефлексию и интерпретационные усилия с реальными биографическими процессами и сделать вывод о характере жизненной траектории и её восприятии, т. е. в контексте нашего исследования перейти к анализу проектирования. На эмпирическом уровне (действия) в фокусе внимания находится процесс религиозной конверсии, характеризуемый через структуры возможностей информанта, смысловую ориентацию социального действия в процессе религиозной конверсии, преднамеренные и непреднамеренные следствия религиозного обращения, идентифицируемые через его функцию в биографии, религиозное участие и тип рационализации¹.

Биографическое интервью проведено в 2018 г. и включает в себя две части — экспертную и биографическую. Общая продолжительность

¹ Перечисленные категории анализа происходят из концепции социального механизма религиозной конверсии (подробнее об этом см.: Исаева 2014: 50–67) и позволяют выявить причины и последствия процесса религиозного обращения в биографии информанта.

составила 74 мин, экспертная часть заняла 26 мин и предшествовала биографической. Такая последовательность проведения интервью, с одной стороны, позволила избежать некоторых психологических трудностей, почти неминуемо возникающих при рассказе о своей личной жизни незнакомому человеку; с другой — в большей степени тематизировала специальное знание и, вероятно, затруднила переход с экспертной позиции на повседневную в биографической части.

Биографическая справка: событийность, или элементарные структуры

Александр родился в 1967 г., *«в обычной рабочей семье»*, родительская семья многодетная (шесть детей), а респондент — *«четвертый ребенок»*, коренной петербуржец. В 1970-е учился в школе (получил среднее образование). В 1980-е — служил в армии. Период после армии (время перестройки) в первую очередь характеризует как время встречи с буддизмом. Причем подчеркивает, что до этого *«общался с христианами»*, поскольку мать — христианка (баптистка). Неясно, продолжал ли образование: *«После армии не учился»*; *«Практически нет специальности»*. После службы в армии начинает работать: *«Немножко на государство, а потом на себя»*. Занимался бизнесом. Знакомится с Оле Нидалом и в 1989 г. начинает создавать дхарма-центр Карма Кагью. Спустя тридцать лет считает, что меньше занимается организационными вопросами буддистской общины и больше занимается бизнесом (в строительстве). Женат, двое детей. Женился в 2009 г. Старшей девочке пять лет, а младшему сыну — два года. Четыре года назад вместе с семьей принял решение переехать в Крым. Строит дом. Изредка встречается с родными братьями и сёстрами: *«не сказать, что сильно дружим или сильно часто встречаемся»*. В то же время отмечает, что важно регулярно видеться с друзьями из буддистской общины: *«Если с друзьями не встречаешься на протяжении месяца, то у вас становится все меньше и меньше общего»*.

Структуры возможностей, или Общие и уникальные характеристики жизненной истории Александра

Биографическое повествование информанта начинается с двух основных конвенциональных для автобиографии тематизаций — работа и семья, в пространстве которых на уровне событийности обнаруживаются проблемные сферы. В материальном плане проблемы идентифицируются в связи с отсутствием специальности (*«У меня*

практически нет специальности») и с материальным положением родительской семьи («вырос в очень бедной семье. <...> никакого достатка не было»). В социальном — как отсутствие взаимопонимания и коммуникации со сверстниками в семье — братьями и сёстрами («не ругаемся... Нам нечего делить, каждый живет своей жизнью»).

С точки зрения материального благосостояния, интервью с Александром освещает довольно типичные аспекты истории позднесоветского поколения: рожденных в 1960-х гг., выходцев из рабочей среды, переживших переход к рыночным отношениям, ощутивших ограничения для самореализации и вовлечённых в духовные поиски. В то же время уникальность этого случая заключается в адаптации к рыночным условиям через религиозную конверсию.

Можно сказать, что наш герой — советский человек и из числа тех, кого идеологически и практически поддерживала советская система, что, в частности, отражается на его жизненном пути. Примечательно, что после службы в армии при выборе учиться или работать он делает выбор в пользу работы (без специальности). Советская система гарантировала успешную адаптацию респондента к городской самостоятельной жизни через карьеру рабочего (Лыткина 2011). Между тем Александр переходит с рабочего места на государственном предприятии в частный бизнес, что было не так просто без первоначального капитала, без предпринимательских навыков. В этом смысле он сопротивляется нисходящей мобильности и той тенденции, которая ярко проявилась среди рабочих и жителей регионов в «лихие» 1990-е гг. Это было время, «когда государство сняло с себя ответственность за обеспечение человека, задача материального обеспечения легла на плечи семьи, образовав конфликт с нормами советского прошлого... Когда потеря образцов и ориентиров поведения, утрата возможности для самореализации вела к разрушению личности» (Лыткина 2011: 98). Однако в интервью этот период обсуждается схематично, и основной акцент делается на знакомстве с буддизмом, на создании в 1989 г. центра Карма Кагью, в котором наш герой принимает непосредственное участие.

Ещё одна тема, которая возникает в самом начале биографического рассказа — это религиозные взгляды в семье (включая братьев и сестёр) («правильные христиане», «баптисты»). Этот сюжет вводит в повествование историю духовного поиска — элемент нормативный для рассказов о религиозном обращении и отмеченный в научной дискуссии о конструктивном характере нарративов религиозных последователей. Через артикуляцию религиозных

взглядов родительской семьи эта тема появляется в повествовании и раскрывается сначала через противопоставление баптистам («в 20 лет уже сам пошел креститься в православную церковь, а не баптистскую»), а затем через сопоставление буддизма как демократичного и христианства как жёсткого («буддизм — это когда если есть озеро, значит, прилетят лебеди... христианское миссионерство — мы правильные, у нас вера единственно истинная»). Несмотря на то, что информант называет свою родительскую семью «обычной», она явно не была похожей на другие советские семьи 1960-х гг. в силу многодетности (шесть детей) и принадлежности матери к баптистской церкви. Раннее знакомство информанта с евангельским христианством не сделало его верующим человеком. Напротив, с детства формировался определенный комплекс из протеста против догматизма и вопросов, связанных с теодицеей (проблема «всемогущества» Бога и наличия зла в мире). Именно поиск ответов на экзистенциальные вопросы ретроспективно интерпретируется как причина принятия буддизма. Путь оказался непростым: он лежал и через принятие крещения в православной церкви после службы в армии. Однако православное, как и евангельское, христианство не отвечало имеющимся духовным требованиям, которым противоречили «жёсткость и рамки». Неудовлетворённое чувство независимости определило дальнейший духовный поиск, приведший к буддизму, в котором «увидел свободу», полностью отвечающую его стремлениям. Этому способствовало обретение новых друзей-буддистов, встреча с ламой Оле, непосредственное участие в создании буддийского центра.

Интеграция в буддийскую общину как поворотный момент в жизненной траектории

Встреча с буддизмом и создание буддийской общины в Ленинграде становятся поворотным моментом в жизни нашего героя. Александр сознаёт: «Если бы этого не произошло, мне вообще сложно сказать, где бы я оказался». По-разному интерпретируя события тех лет — как реализованную возможность выбора, кармическую предопределенность или духовный поиск, — респондент между тем понимает, что это было сложное время. В рассказе Александр не раскрывает деталей, и восстановить лакуны памяти удастся лишь при уточняющих вопросах, в частности, о влиянии буддийских практик на материальный достаток. Александр отмечает: «Медитация позволяет настроить

внутренний мир и общение с другими людьми. В этом смысле мы более конкурентоспособны на этом рынке, мы больше умеем адаптироваться, меньше впадать в депрессию». Медитация, по мнению героя, развивает умение строить отношения с людьми и работать со своими эмоциями. Именно этот навык, по мнению респондента, позволяет адаптироваться к рыночным условиям. Герой осознаёт, что работа на благо других — составная часть буддистских практик — позволяет рассчитывать на взаимный обмен (реципрокность). Однако он подчеркивает, что *«не готов всё отдавать и делиться»*, а *«хочет ещё зарабатывать, чувствовать, что может зарабатывать»*. Иными словами, решение материальных вопросов в условиях радикальной трансформации общества важно и проходит на фоне разрешения экзистенциальных вопросов о смысле жизни, о соединении работы на благо другим с личным интересом, о конструировании жизненного проекта в условиях контекстной неопределённости, с одной стороны, и *«кармической»* предопределённости — с другой.

Поколение, родившееся в 1960-е гг., исследователи обозначают как поколение «потерянных или прагматиков» (Черников 2014). Наш герой, с точки зрения инструментальности социального действия в процессе религиозной конверсии, может быть отнесён к прагматикам. Сама идея предпринимательской деятельности, о которой мы уже упоминали, и её реализация оказались возможны благодаря буддистской общине: *«У меня, конечно, есть клиенты определённые, которые не буддисты, но всё равно бо́льшая часть — буддисты; ...я нашёл поле деятельности, благодаря своим друзьям-буддистам».*

В процессе интеграции Александра в религиозное сообщество решается и проблема коммуникации со сверстниками. В буддийской общине он находит друзей: *«сообщество (буддистское. — Примеч. В. И.) — это друзья, которые следуют с тобой вместе. Не зря сообщество практикующих включено в определение буддиста»*; клиентов по работе: *«клиенты... бо́льшая часть буддисты»*; встречает и свою будущую супругу: *«не очень долго, несколько месяцев всего, но тем не менее, да, супруга была буддисткой. Я встретил её на буддийском курсе».* Таким образом, религиозная конверсия становится для нашего информанта способом адаптации к социально-экономической и идеологической трансформации переходного периода и источником ресурсов для решения проблем, обозначенных в личной истории.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на имеющиеся ограничения биографического метода, связанные с биографическим проектированием и отсутствием в жизнеописании определённых фактов

или временных периодов. Не озвученной остаётся важная, с нашей точки зрения, часть религиозной биографии — жизнь и деятельность респондента в буддийской общине в процессе религиозной конверсии. Частично её можно реконструировать по данным из открытых источников². В 1996 году Оле Нидал *«попросил»* Александра читать лекции по буддизму в качестве «путешествующего учителя». С самого начала основания центров буддизма Алмазного пути в России респондент занимается организационной деятельностью по их созданию. Частично этот факт упоминается в повествовании: *«Я много путешествовал, если это можно назвать хобби, и, конечно же, я очень много путешествовал при возможности по буддийским местам, в частности, в Азии»*. В первой части высказывания речь идёт, скорее всего, об организации буддийских центров сначала в Ленинграде, а потом и по всей стране. В 1999 году лама обратился к нему с просьбой курировать строительство дхарма-центров в России, что становится своего рода специальностью информанта в буддийской работе. Таким образом, через деятельность в буддийской общине решается проблема отсутствия специальности. Кроме того, Александр нашёл в религиозном сообществе пространство для творческой самореализации: он пишет статьи для журнала Российской Ассоциации буддистов Алмазного пути Карма Кагью «Буддизм.ру», занимается исследованием культуры буддийской ступы³ и осуществляет переводы лекций иностранных путешественников-учителей. Можно предположить, что эта часть биографии оказалась не включённой в повествование по причине восприятия биографии, рассказываемой исследователю (стороннему слушателю, не принадлежащему к буддийскому сообществу), как нормативной, ограниченной институциональными процессами и образцами, связанными с конвенциональными социальными институтами. В то время как буддийская община воспринимается как пространство личной, творческой реализации, происходящей за пределами традиционных российских христианских (православных) или советских институтов и представлений. Единственный элемент, который вплетается в повествование — это линия духовного поиска, которая нормативна для нарративов религиозных последователей.

В целом приобщение к буддизму и интеграция в религиозное сообщество субъективно осмысляются как расширение

² Ссылки на открытые источники не приводятся в целях соблюдения исследовательской этики.

³ Ступа — культовая буддийская постройка, символизирующая конечную цель религиозной жизни буддиста — состояние просветления.

возможностей — буддизм помог «...научиться воспринимать мир как мир возможностей». Противоречия между институциональными ограничениями и интенциональными устремлениями снимаются через осмысление сквозь призму буддийской картины мира. Так, институциональные ограничения, которые информант переживает в связи с созданием семьи: «...отошёл от организационной активности (в буддийских центрах. — Примеч. И. В.); не очень часто получается ездить на ретриты; дети меня держат», — снимаются через представление о духовных взаимосвязях в семье: супруга — буддистка («Я встретил её на буддийском курсе»), дочь — тоже («у меня было несколько таких примеров, когда она (дочь. — Примеч. И. В.) начала так неожиданно совершенно проявлять какие-то буддийские вещи, причём не потому, что мы её учили или заставляли, а оно само проявляется»).

Трансформация мировоззрения как результат религиозного участия

На протяжении 30 лет информант не отходил от буддизма, хотя менялась интенсивность практик и их характер. В настоящее время меньшая степень вовлечённости в организационную работу обусловлена переездом из Петербурга и наличием других членов общины, которые этим занимаются. Сохраняются регулярные практики (2–3 раза в неделю) и ежегодные поездки вместе с семьёй (курсы, лекции, ретриты), что свидетельствует о высокой степени религиозности по критерию религиозного поведения.

Присутствующая в интервью реинтерпретация биографии через призму буддийского учения, а также признание влияния собственных религиозных убеждений на отдельные события и стороны жизни также подтверждают высокий уровень религиозности. Так, вера в карму оказывается главной объяснительной схемой для событий личной истории. Разные жизненные обстоятельства, благодаря или вопреки которым осуществлялось движение в сторону принятия буддизма (например, перипетии, связанные со службой в армии), связываются информантом с действием закона кармы. С этой же точки зрения объясняются и отдельные поступки маленькой дочери, воспроизводящей буддийские обряды. В целом способ реинтерпретации личной истории, в центре которого оказываются как повседневные, так и экзистенциальные вопросы жизни информанта, указывает на глубокие изменения картины мира и может быть охарактеризован как когнитивная рационализация.

Информант неоднократно подчёркивает позитивное влияние буддизма на свою жизнь. Результатами этого влияния стали переживание положительных эмоций (*«я стал более спокойным, уравновешенным»*), формирование навыков саморегуляции, чувство самореализации. Особое значение имела встреча с ламой Оле, ей придается терминальная значимость: *«Если бы этого не произошло, мне вообще сложно сказать, где бы я оказался»*. Информант четко осознает влияние религиозного участия, т. е. собственных религиозных убеждений и своего членства в общине, на круг знакомых и друзей (большинство из которых — буддисты), на выбор супруги, а также на увлечения и хобби, связанные с поездками по *«буддийским местам»*.

Показательно, что при ответе на вопрос об изменении отношений с другими людьми информант не только признал влияние собственных убеждений и практик на повседневное общение, но и дополнил анализом причин такого влияния. Буддизм ориентирует своего последователя на внутренний локус контроля, самоанализ и контроль эмоций. Обвинение противоположной стороны в случае конфликта, а не анализ собственного поведения и реакций представляет собой в буддийском сообществе *«потерю лица»*. Таким образом, личностные качества, развитие которых предполагает учение, становятся основной для выстраивания гармоничных социальных отношений, что *«несомненно улучшает возможности общения с другими людьми»*.

Обращает на себя внимание определенный изоморфизм экспертной и биографической части интервью. Об этом прямо свидетельствует отсылка в биографической части интервью к тому, о чем информант *«говорил сначала»*. Так, в начале интервью было отмечено, что интерес к буддизму у современных людей связан с поиском ответов на значимые для них вопросы. В биографической части, описывая свой приход к буддизму, информант возвращается к этой теме, показывая на собственном примере, что он именно в этом учении *«нашёл ответы на все вопросы»*. По мнению нашего эксперта, буддизм характеризуется тем, что ведёт к переживанию счастья в этой жизни, а сами последователи школы Карма Кагью, в отличие от других школ, *«любят повеселиться»*. Рассуждая по аналогии, хотя в рассказе и нет прямых указаний на субъективную значимость этих переживаний, тем не менее эти фрагменты могут быть нами интерпретированы как репрезентация и проекция личного опыта, связанного с эмоциональным компонентом духовного благополучия.

В целом духовное благополучие может быть рассмотрено как определенный результат, сопровождающий и завершающий процесс

религиозной конверсии. Эта интегральная характеристика субъективного восприятия собственной жизни отражает влияние усвоенного информантами буддийского учения и религиозного участия на переживание эмоций, самооценку жизни и формирование практических навыков саморегуляции в трудных жизненных ситуациях.

Кроме рассмотренной выше проективной репрезентации счастья эмоциональные компоненты духовного благополучия присутствуют в различных фрагментах биографической части интервью. Эти компоненты связаны с переживанием радости, полноты бытия, чувства присутствия: *«...у меня всё было здесь и сейчас... я забыл о существовании забот, проблем и всего остального».*

О когнитивных компонентах духовного благополучия, связанных с рефлексией над собственной жизнью и событиями личной истории, можно судить по непосредственной самооценке. Заметим, что это ответы не на прямые вопросы об удовлетворённости жизнью, а различные моменты интервью, в которых наряду с описанием событий присутствует их оценка: *«Я стал... более довольным жизнью... ну я вижу только позитивные изменения в связи с буддийскими практиками».*

В повседневной жизни духовное благополучие последователей буддизма проявляется также и на уровне социального взаимодействия — в эмоциональном интеллекте, в совладающем поведении. Сформированные навыки выхода из затруднительных ситуаций способствуют не только принятию конструктивных решений, но и позитивному отношению к ним: *«Я знаю, что могу с ними справиться и довольно быстро».*

Как и любая другая религия, буддизм базируется и воспроизводится на социальном уровне. Влияние учителя (ламы) на отдельного человека поддерживается в общине, которая является необходимым условием для индивидуального духовного роста. Вместе с тем социальные отношения внутри общины, от переживания воодушевляющего чувства солидарности до помощи при решении конкретных материальных проблем, могут стать для каждого её члена значимым ресурсом. Имеющая место в биографии нашего информанта профессиональная деятельность, осуществляемая в буддийском сообществе, воспринимается как своего рода служение, ценность которого определяется в том числе и вносимым вкладом в развитие буддийских центров.

Подводя итог анализу представленного биографического кейса, следует заключить, что проблемная траектория, которая могла бы сформироваться ввиду изначально ограниченной статусной позиции информанта (бедная многодетная семья, отсутствие специальности),

не реализовалась. Процесс религиозной конверсии стал для респондента ресурсом личной, профессиональной и творческой самореализации, который позволил решить проблемы, наметившиеся ещё на этапе детства и юношества — проблема коммуникации со сверстниками, проблема бедности, отсутствие специальности. В целом интерпретационные усилия («теория информанта»), предпринимаемые Александром по представлению своей личной истории, совпадают с реальными биографическими процессами. Интенциональные процессы, реализуемые им как субъектом жизненного пути, позволяют преодолевать институциональные ограничения. Религиозная конверсия трактуется и предстаёт как восходящий процесс, открывающий возможности («Я самореализовался и продолжаю это делать; встреча с буддизмом изменила жизнь в лучшую сторону») и в реальном событийном измерении способствующий формированию духовного благополучия. В рассмотренном нами биографическом интервью духовное благополучие представлено преимущественно в статическом хронологическом срезе. Детализированное описание его структурных элементов не отменяет важности изучения их формирования в процессе религиозной конверсии, однако необходимо отметить, что такое описание в случае, когда процесс религиозного изменения завершился более 20 лет назад, имеет определённые ограничения. Отчасти эти ограничения связаны с трудностями биографического метода: субъективизацией содержания жизненного пути информантом — актуализацией одних сюжетов и исключением других, замалчиванием отдельных фактов личной истории. Опыт нашего исследования показывает, что эти трудности могут преодолеваться, во-первых, посредством уточняющих вопросов; во-вторых, через привлечение открытых источников информации.

Источники

Дивисенко К. С., Дивисенко О. В. Биографическое исследование реинтерпретации личной истории у православных верующих // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4. С. 24–37.

Исаева В. Б. Социальный механизм религиозной конверсии: на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью: Дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. 241 с.

Исаева В. Б. Биографический метод в исследованиях религиозной конверсии // (Авто)биография как объект социологического анализа: Материалы X чтений памяти В. Б. Голофаства, 3–5 апреля 2018 г. / Под. ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 244–253.

Лыткина Т. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV, № 1. С. 87–109.

Рожественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.

Тупахина О. В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 185–197.

Черников Б. В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. С. 153–158.

Jindra I. W. *A New Model of Religious Conversion: beyond network theory and social constructivism*. Brill, 2014. 238 p.

McMahan D. *Buddhism in the Modern World*. New York: Routledge, 2012. 325 p.

Snow D. A., Machalek R. *The Convert as a Social Type* // *Sociological theory* / Ed. by Collins R. San Francisco: Jossey-Bass, 1983. P. 259–289.

Ulmer B. Konversionserzählungen als rekonstruktive Gattung: Erzählerische Mittel und Strategien bei der Rekonstruktion eines Bekehrungserlebnisses // *Zeitschrift für Soziologie*. 1988. Jg. 17, No. 1. S. 19–33.

Zavos J., Israel H. *Narratives of Transformation: Religious Conversion and Indian Traditions of “Life Writing”* // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2018. Vol. 41, № 2. P. 352–365.

References

Chernikov B. V. *Differentsiatsiya trudovykh tsennostey sredi pokoleniy sovremennykh rabotnikov* [The differences in work values among generations of modern workers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, p. 153–158 (In Russian).

Divisenko K. S., Divisenko O. V. *Biograficheskoe issledovanie reinterpretatsii lichnoy istorii u pravoslavnykh veruyushchikh* [The Biographical Research of Personal History (Re)interpretation among Orthodox Believers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2016, vol. 19, no. 4, pp. 24–37. (In Russian)

Isaeva V. B. *Biograficheskii metod v issledovaniyakh religioznoy konversii* [Biographical method in studies of religious conversion]. *(Avto)biografiya kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza: Materialy X chteniy pamyati V. B. Golofasta, 3–5 aprelya 2018 g.* [(Auto)biography as an object of sociological research. Proceedings of 10th V. B. Golofast Memorial Lectures. April 3–5, 2018]. Ed. by O. B. Bozhkov. Saint Petersburg, Norma, 2018, p. 244–253. (In Russian)

Isaeva V. B. *Sotsial'nyy mekhanizm religioznoy konversii: na primere peterburgskoy bud-distskoy mirskoy obshchiny Karma Kag'yū* [The social mechanism of religious conversion: the case of the Petersburg Buddhist community Karma Kagyu]. Thesis for a Candidate Degree in Sociology. Saint Petersburg, 2014, 241 p. (In Russian)

Jindra I. W. *A New Model of Religious Conversion: beyond network theory and social constructivism*. Brill, 2014, 238 p.

Lytkina T. Sotsial'naya biografiya isklyucheniya v postsovetsoy Rossii [The social potential of the northern city: from ignorance to recognition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, vol. XIV, no. 1, pp. 87–109. (In Russian)

McMahah D. *Buddhism in the Modern World*. New York, Routledge, 2012, 325 p.

Rozhdestvenskaya E. Yu. *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 381 p. (In Russian)

Snow D. A., Machalek R. The Convert as a Social Type. *Sociological theory*. Ed. by Collins R. San Francisco, Jossey-Bass, 1983, p. 259–289.

Tupahina O. V. Religioznaya biografiya kak forma narrativizatsii zhiznennogo mira veruyushchih [Religious biography as a form of narrativisation of believers' lifeworld: the case of Orthodox Christians]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, vol. 15, no. 1, pp. 185–197. (In Russian)

Ulmer B. Konversionserzählungen als rekonstruktive Gattung: Erzählerische Mittel und Strategien bei der Rekonstruktion eines Bekehrungserlebnisses. *Zeitschrift für Soziologie*, 1988, Jg. 17, No. 1, S. 19–33.

Zavos J., Israel H. Narratives of Transformation: Religious Conversion and Indian Traditions of “Life Writing”. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 2018, vol. 41, no. 2, pp. 352–365.

Исаева Валентина Борисовна, кандидат социологических наук, ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Isaeva Valentina B. — Ph. D. in Sociology, Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.

vbisaeva@gmail.com

Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, факультет социологии, СПбГУ.

Yaroshenko Svetlana S., Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Saint-Petersburg State University.

svetayaroshenko@gmail.com

Дивисенко Константин Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Divisenko Konstantin S., Ph. D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.

k.divisenko@socist.ru